

ПОЭТ-ИЗГОЙ ТОЛЯ БОЧИНИН

13 апреля, в пятницу, в городе Владивостоке, в музее имени Арсеньева состоялась презентация книги поэта Анатолия Бочинина «Крещённый молнией и громом».

Мне довелось видеть Толю лишь однажды — в городской больнице сразу после того, как ему отняли ногу. Но об этом — ниже. Решила построить статью таким образом:

1. Обзор презентации
2. Стихи из сборника
3. Слово о поэте

Итак, обзор вчерашней (пока свежо) презентации:

Вела вечер Галина Якунина, приморская поэтесса, член Союза российских писателей (СРП — не путать с СПР — Союзом писателей России). Она подготовила к публикации сборник стихов, собрала средства на его издание (в основном деньги давали друзья-художники поэта и малознакомые или вовсе незнакомые с ним при жизни писатели и предприниматели) и во всём содействовала выходу книги. По образованию Галина филолог. Она ни разу не встречалась с Толей Бочининым при его жизни, но, работая в Собесе, смогла «пробить» поэту пенсию по инвалидности, которую, к слову, он так и не успел получить, и место в больнице, в социальной палате по реабилитации.

Первым выступил критик Александр Киреев, написавший предисловие к сборнику. Александр был единственным представителем СП, в котором состоял Толя. Теперь, слава Богу, поэт вне всяческих Союзов!

Критик сказал, что Бочинин был «поэтом в чистом виде», что у него не было ни друзей (что потом с основанием оспорили!), ни дома, ни семьи. Всё пустил по ветру за исключением поэзии. После смерти от Толи остались только стихи. Последняя рубашка, штаны и * рукописи, которые хранил, как сокровище. Посмертный сборник издан на основе этих рукописей и некоторых стихов из прежних изданий.

Затем речь держал Михаил Мелешко, хирург-предприниматель, пишущий к тому же рассказы. Это именно Миша определил Толю в больницу и нашёл всё необходимое для операции. Вот его слова: «Когда человек не спит из-за боли несколько дней и просит отнять ему ногу — это значит так он запустил болезнь!»

Мелешко сказал о себе, что по жизни он «победитель», а Толя Бочинин «побеждённый» и хотя «победителю трудно понять побеждённого», но, тем не менее, стихи Толины ему понравились, и он принял участие в судьбе поэта.

Слово предоставили Николаю Большакову — художнику (а здание Союза художников располагается напротив «Серой Лошади» — дома Союза писателей).

Последние 3-4 года жизни Толя жил в мастерской Николая, и тот делил с ним еду пополам.

Толя обычно не делал посвящений, но Большаков стал исключением:

Живописцу Н.Большакову

Бродягой шагая по миру,

Я волочил свой крест.

Мне друг мой доверил квартиру

Со всем, что в ней только есть.

Душа вдохновением пышет.

Стихи бьют фонтаном. О!

Доверие, понял я, – выше

Веры в себя самого.

«Я долго его не понимал и не признавал в нём поэта», – заявил Николай.

Признал, лишь прочитав прижизненные Толины сборники «Черёмуховый омут» и «Крик журавля».

Николай сказал, что часто спорил с Толей, и тот утверждал, что обычные люди – это курицы, прикормленные хозяином, «а я – в небе парю!»

Р азобиженный Николай возмущался тем, что он «курица» и возражал, что, дескать, журавли по помойкам не кормятся! Вот Байрон, к примеру, да! А вот Толя * На что Бочинин сильно обижался: он никогда не причислял себя к бомжам, скорее – к вольным поэтам.

Журавли-журавушки, родные!

Я болею вами с давних пор.

Вот опять летите неземные,

Вам подвластно всё, что выше гор.

Тянет в небо каждого поэта,

Как во взрослый возраст – малыша.

И что есть во мне от вас, так это –

Сызмальства крылатая душа.

«Чувство поэта он нёс трудно и гордо», – сказал Николай Большаков. Он привёл пример: когда посетил Толю в больнице, тот отказался от дополнительных передач, мотивируя тем, что ему хватает еды, а когда Николая другие больные попросили принести «чего-нибудь пожрать», Толя возмутился: «Чего ты этим бомжам будешь носить!»

Именно Николай Большаков передал Галине Якуниной большинство рукописей поэта, они сберегались в его мастерской. Большаков – автор всех четырёх бывших на презентации портретов Бочинина, а пятый портрет – наилучший – выставлен в краевой картинной галерее.

Далее Галина Якунина рассказала о женщинах, принимавших участие в творческой судьбе Толи Бочинина. Благодаря их помощи он публиковался в журналах, получил рекомендации в Союз писателей, издал первый сборник. Одной из них, хабаровчанке, поэт посвятил прекрасные стихи:

Людмиле Миланич

Умна. Добра. Сосредоточена,

Дела житейские верша.

Она душой своей отточена

Острее лезвия ножа.

Пусть грешен я. Живу по-варварски,

Как бомж. О, Господи, прости...

Я этим лезвием в Хабаровске
Готов по горлу провести.
Мне беды бесами предвещены.
Кружит над домом вороньё.
А рядом нет той самой женщины.
Я просто выдумал её.

Далее слово взял художник Юрий Волков. Он также предоставил Галине Якуниной одну из рукописей поэта. Юрий говорил с трудом — слёзы мешали — тридцать лет знакомства с Толей! Он вспомнил, как к нему в мастерскую ввалились Ян Вассерман (поэт, судовой врач), Володя Христофоров (писатель из Магадана), приведший на костылях никому тогда неизвестного поэта — хмурого, смотревшего на всех исподлобья.

«Подпили, молодые. За полночь стали разбредаться * Ну, ложись — Толе * Там несколько десятилетий и остался * То у меня, то у Коржа * А по характеру он, знаете ли, не сахар!»

У Юрия Волкова позади две кругосветки, собирается ещё в третью — на паруснике «Паллада». В путешествия художник брал книжки Бочинина. Так команда зачитывала их до лохмотьев! Полюбили моряки Толину поэзию, и всё просили Юрия рассказывать им о поэте.

«Он великий поэт — помяните моё слово!»

«Он не бомжил, а скитался по друзьям. А в последнее время бомжил».

«Его поэзия — как протест самому себе, радость и вдохновение».

«Талант. Народный талант, который нельзя забыть. Ужасная жизнь и ужасная смерть!»

(Здесь надо сказать, что смерть Толи Бочинина была воистину ужасной. Едва «помойки оттаяли», он на одной ноге ускакал бомжевать. Затем где-то упал, сломал руку, невесть каким образом добрался до хлебозавода, где был подобран милицейским нарядом и доставлен в городскую больницу, куда его, естественно (!), не приняли без полиса, и он умер на территории больницы от истощения и переохлаждения)

Ну как тут не вспомнить притчу о Лазаре!!!

Жестокий век, жестокие сердца!

Далее выступил Борис Мисюк, председатель Союза российских писателей (другого Союза — не того, где числился Толя). Он провёл возрастную параллель между Николаем Рубцовым, с которым вместе учился в литинституте и Геннадием Лысенко повесившемся в «Серой Лошади», обоим поэтам было по 35 лет.

Вот стихи Бочинина, посвященные памяти Г.Лысенко:

Дожди. Погода скверная.

Аж божий свет не мил

Единственного, верного

Я друга схоронил.

Душа, она, что мельница,

А сердце — жернова.

Всё горе перемелется

И выльется в слова.

Про Анатолия Бочинина Борис Мисюк сказал, что тот «зажился» на этом свете, миновал трагические рубежи и тяготился уже самой жизнью, что Толя «сжигал-сжигал и сжёл-

таки себя». В «Избе-Читальне» □ журнале Приморского отделения СР П, бы опубликована прижизненная подборка стихов Толи Бочинина, которой он сам дал название: «Орлы летают в одиночку».

В заключение вечера поэт Александр Егоров прочёл свои стихи, посвящённые памяти Анатолия Бочинина. И неизвестная мне художница рассказала характерный для взаимоотношений поэта и художника эпизод:

«Зима. Январь. Мимо картинной галереи пробегают Волков с подбитым глазом.

- Юра, что с тобой?

- Подрался.

- С кем?

- С поэтом Бочининым.

- Из-за чего?

- Не сошлись во взглядах на искусство».

Стихи из сборника

Нарушу традиции и начну с конца. Тем более что читателю вкратце известна судьба поэта, и теперь проиллюстрирую её стихами. Бочинин не знаком широкой публике, и возможно, это первая его Интернет-публикация. Для удобства разобью стихи по темам.

Итак:

1. Сам о себе

2. Бродяга

3. Поэт и власть

4. Поэт и родина.

5. Приморье и Алтай

6. Чистая лирика

Сам о себе

В среде композиторов

- Ты кто такой?! – Да я никто.

Не Моцарт, не Пуччини...

Подайте шляпу и пальто.

Прощайте. Я – Бочинин...

Живи в мой век Бетховен, Лист,

Их удивило б это:

Бунтарь, бродяга, скандалист –

В одном лице поэта.

На мой взгляд, потрясающей силы строчки Анатолий написал именно о призвании поэта, как он это понимал.

Вся Россия – мой адрес почтовый.

Гимн не может быть прерванным песнею.

Я ушёл бы на отдых, да что вы!..

Не уходят поэты на пенсию.

Напомню, что поэт так ни разу и не получил по праву предназначенные ему пенсионные деньги! Ещё в связи с этими стихами приходит на ум старая песенка, может, кто помнит:

«Мой адрес не дом и не улица □ мой адрес Советский Союз». Анатолий как раз встрял в

разлом Союза на Р оссию и прочих, и это не могло не отразиться болью на его творчестве. Он всегда разделял Россию и власть, но об этом – позже!

А пока речь о судьбе поэта.

Поэт не может жить в благополучии
Сверчку под стать у жаркого камина.
Шутить с огнём нельзя. Ни в коем случае.
Душа – в груди пороховая мина.

Умру, как пёс, но совесть не продам.
Душа отколосится, словно рожь.
Ведь человек, живущий тут и там,
У вас давно зовётся просто: бомж.
Опять устроил в мэрии скандал.
Опять в быту бьюсь рыбою об лёд.
Мне Бог талант не поскупившись дал –
И мир житья за это не даёт.

Мы в жизни все в одной упряжке.
Бояться смерти не годится.
Мечта любой хрустальной чашки –
На счастье вдребезги разбиться.

От боли горя безутешного
Я бледен в профиль и в анфас.
На всё, что ждёт поэта грешного,
Взглянуть хотя бы краем глаз.
Прости, святая Богородица!
Жизнь, как Луна. А у Луны
Нельзя увидеть, что находится
С её обратно стороны.

Хочу сказать о детстве Толи. Отец его умер в 1945-ом, в год рождения поэта. Вскоре погибла мать. Возможно, поэтому Анатолий просит прощения у Богородицы.

Из всех картин, какие есть,
Одна – как боль щемящая,
Как зло поруганная честь –
«Алёнушка» скорбящая.
Былое вспомню – не пою.
В душе темно, как в кратере.
Я в той девчонке узнаю
Судьбу покойной матери.
Чтоб не сойти от мук с ума,
Мне бы вот так у озера

На шею камень... Да зима
Ту прорубь заморозила.
И ещё:

Была весна. Точней, был март,
Когда над талой Камой
Рок, разложив колоду карт,
Зло обошёлся с мамой.
Она войны познала гнёт,
Седую не от возраста
В момент распутицы под лёд
Ушла с вязанкой хвороста.
Воды хлебнула и – ко дну.
Как будто в кадры пробные
Ей дали роль – кричать: «Тону!
Спасите, люди добрые!»
Предсмертный зов её души
Был обречённо-тонущий...
А ветер яростно глушил
Истошный крик о помощи.
Затем был детдом.

«- Люблю грозу в начале мая...» –
Писал известный всем поэт.
Весь мир душой воспринимая,
Он мог любить. А я вот – нет.
Былого с будущим соседство –
Есть боль, омытая слезой.
Мне с малолетства ранит сердце
Всё то, что связано с грозой.
Брожение туч казалось адом.
Сгущался мрак. Ревел прибой.
На стёкла, выбитые градом,
Я был похож своей судьбой.
Воспринимая мир, как драму,
В его раскатах грозových
В испуге звал к себе я маму –
А мамы не было в живых.
Крещёный молнией и громом
Я слушал долго голоса
И долго-долго над детдомом
Не прояснялись небеса.

Посмертный сборник назван «Крещёный молнией и громом». Галина Якунина, не встречавшаяся при жизни с Анатолием, увидела его во сне. Она брела по кладбищу,

отыскивая его могилу, как вдруг он сам позвал её. Он сидел на своей могиле, которая выглядела, как книга, и сказал ей: «Я – крещённый молнией и громом».

Отсюда и название книги. В жизни Толи было немало мистического. Последнее: когда Галина везла сорок книг Бочинина домой, то забыла их в транспорте. На другой день они с Борисом Семёновичем всё-таки их нашли, но осталось только восемнадцать книг □ остальные «ушли в народ».

«Вот так и дядя в кожаном пальто
Лояльно, как на божьем пересуде,
Стихи мои оценит, да и то,
Когда меня в живых уже не будет».
(Вхожу в свой мир без всяких паролей...)

По воле чувств своих не птица я,
А человек. Но только чей?
Мой главный козырь – интуиция
Без всех возвышенных речей.
Всё, что прочувствовал, – на кончике
Пера. А высказать – нет слов.
В природе есть и колокольчики,
И есть набат колоколов.

Смотрю на парня камуфляжного:
Прикажут – он взорвёт мосты.
Так что же, что важнее важного:
Колокола или цветы?

И ещё подобный последнему вопрос в стихотворении «От барахолки тянет холодом...»:
А ты бы смог в час потрясения,
Блуждая в людях, как в лесу,
Взять, например, стихи Есенина
И обменять на колбасу?

Отвлекаясь, скажу, что лично я вижу много общего у Бочинина с Есениным. Прежде всего это трепетная любовь к природе и «бродяжий дух»:

«Дух бродяжий, ты все реже, реже расшевеливаешь пламень уст...» (Есенин).

«Брошу всё. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси».

(Есенин)

Но если Сергей Есенин не успел «реализоваться» в качестве бродяги, то Анатолий Бочинин испил эту чашу до самого дна!

Годы волос мой облагородили.
Есть мытарства, но нет облысения.
Как поэт я по матушке-Родине
Чем-то даже похож на Есенина.

И последнее, что Толя сказал сам о себе:

На поле звёзд пожизненной межой
Мы целину вселенной не освоим.
Среди своих – я мужичок чужой.
И среди чужих – я далеко не свой им.
От беса не отнекиваюсь я
И с сатаной в содружестве немного:
Всю жизнь грешу. Но в рамках бытия
Поэтом быть мне велено от Бога.
(Не правда ли перекликается с Финном?)

Бродяга

Фёдору Конюхову
С тобой на двоих мы прожили сто лет.
Ты набожен. Я же – безбожник.
Ты пишешь картины, но ты не поэт.
А я и поэт и художник.
В быту мы колючи, как ёжик и ёрш.
О смерти не ищем укрытий.
По жизни, мой друг, ты на яхте плывёшь,
А я – на разбитом корыте.

Душа, несклонная к покою,
В покое счастья не найдёшь.
Потрогать радугу рукою
Мне стало просто невтерпёж.
Заслуг особых не имею,
Живу грядущим светлым днём.
Вот и тянусь, тянусь за нею,
Как за своим поводырём.
Куда ведёт она? – Не знаю.
В плену житейской суеты.
Возможно – к солнечному раю,
Возможно – к аду темноты.

Порыв страстей меня увлёк
Пуститься в мир неведомый:
Его и вдоль и поперёк
Пройду в обнимку с бедами.
За перевалом перевал.
То камни, то кустарники.
Конфеты пчёлкам отдавал,
А с белкой грыз сухарики.
- Ну, ты даёшь! – медведь басил
И удивлялись голуби,

Что я за лето износил
Семь па сермяжной обуви.
Душа молчала бы, да вот –
Крапива жизни жгучая
Не так возрастает от невзгод,
Как от благополучия.
Когда ж сухой паёк вдруг я
Сменил на борщ наваристый,
Ушли зверушки от меня
И улетели аисты.

По душе мне дух бродяжий.
По душе мне скрип колёс.
Угощайтесь, люди, я же
Землянику вам принёс.
Земляники нынче много.
Очень вкусная она.
Угощайтесь, ради бога...
Лето щедрое – сполна.
Я из тех широт России,
Где, куда ты не пойдёшь,
От стихов степной стихии
Тихо всхлипывает рожь.
А рубашка нараспашку,
Не беда, что мокрый ус:
Это я в степи, как бражку,
Дождик пробовал на вкус.

Никто не властен надо мной:
Ни президент, ни воевода,
А властен почвы перегной.
Я – сын земли. Мой дом – природа.
Жизнь днём одним не наверстать.
Душа с писательской начинкой
Меня покинет, чтобы стать
В пустыне времени песчинкой.

И в завершение «бродяжьего цикла» очень светлый, прямо-таки солнечный стишок
«Воздушный поцелуй»:

Крутил педали сутками я. Ведь
Путь был от поражения к победе.
Пешком Россию трудно одолеть,
Другое дело – на велосипеде...
Запал мне в душу леспромхоз Тулуй
Тем домиком, покрытым черепицей,

Где я послал воздушный поцелуй
Малышке, двух – трёхлетней озорнице.
Средь дядей я б сошёл за сатану,
А среди женщин – просто за нахала.
Но та прилипла рожницей к окну
И мне в ответ ручонкой помахала.

Поэт и власть

Н-да... Русью правит сатана.
Жизнь – не водичка в жаркой бане
И не мочалка. Жизнь, она
Под стать циклону в океане.
О том, как тяжек лиха фунт
Кричать нет сил: охрипла глотка.
Страна моя легла на грунт
И затаилась, как подлодка.

Нас до третьего сорта
Всех реформа истискала.
Все мы жертвы аборта
Государства российского.

Что режет слух, то видят и глаза.
«Спасибо» политическим уродам.
И за развал Отечества и за
Эксперименты над своим народом.
А вот это, по-моему, наивысшее:

Господа, Русь не грабьте!
Быт ваш пахнет парашей.
У бомжей даже лапти
Чище совести вашей!

Безумству храбрых песен нет.
Давно не реют буревестники.
Народ разут. Народ раздет.
Зато у всех на шее крестики.

В России Бога выстрадал народ
И молится ему. И в ус не дует,
Что, может быть совсем наоборот:
Он этим самым Бога четвертует.

Все посулы вождей – что об стенку горох...

А долгам всем просвета не видно.
Что мне личная жизнь! Да простит меня Бог.
За Россию до слёз мне обидно.
Стоит, стоит ли басней кормить соловья?!
От своих кредиторов не прячусь.
Знаю, рубль обесценен. Но всё-таки я
РасплачУсь и до взрыда расплачусь.

Ещё вчера я, словно рысь,
Из всех врагов кому угодно
В прыжке мог горло перегрызть,
Чтоб только жить всегда свободно.
Сегодня ж я среди рослых лбов
Похож на бомжа-охламона.
Кусаться нечем. Нет зубов:
Они на совести ОМОНа.
Свалили с ног. Подбили глаз
И рассекли дубинкой брови.
Пусть не впервой. Но в этот раз
Душа всплакнула каплей крови.
Поэт и родина

Я из семьи простых рабочих:
Отец – Василий, мать – Устинья.
С их именами, между прочим,
Легко рифмуется Россия.

Вспыхнуть радугой хочется
Над просторами синими.
Я горжусь своим отчеством,
Кровно связанным с именем.
Хорошо жить в народе мне,
Слышать: «Где ты, Васильевич?!»
А по матушке Родине –
Анатолий Россиевич.

Ловлю волну. Эфир со свистом
Гнетёт помехами меня.
Едва расстроился транзистор,
Как вдруг расстраиваюсь я.
Вновь где-то голосом народа
В ключе тревожных передач
Кричит о помощи свобода –
И нет покоя мне, хоть плачь.

В глазах моих и скорбь, и муки,
Как будто рядом тонет дочь,
А я тяну, тяну к ней руки
И не могу ничем помочь.
Приморье и Алтай

Душа поёт... Владивосток
Полюбится, приглянется,
Как распустившийся цветок,
Что к солнцу так и тянется.
Прекрасен край и город наш –
Пишу, чтоб люди помнили.
А будет сломан карандаш,
Так я обломком молнии
Такие строки напишу,
Что сразу выйду в классики.
У пчёл приюта попрошу
И стану жить на пасеке.
Что сказать? Подписываюсь. Про Владик – это моё любимое стихотворение!
А вот о Приморье:

Сущность быта – одна из тем...
Никогда, хоть в огне сгори я,
Не смогу согласиться с тем,
Что Приморье – периферия!
Приглашаю к себе домой
Латыша, украинца, горца...
Не какой-нибудь край, а мой
Самым первым встречает солнце.

Солнце дарит и свет, и тепло.
У людей загорелые лица.
Блудным сыном в родное село
Наконец-то пришлось возвратиться.
Как и в детстве иду босиком
К дальним пастбищам, где и поныне
Утро пахнет парным молоком
С лёгким привкусом горькой полыни.
А душа всё сильнее и сильнее
В голубые просторы Алтая
Так и рвётся взлететь, будто в ней
Птиц проснувшихся целая стая.

Вот и она, деревня Сростки,

Где над притихшею травой
Катунь, что дым от папироски,
Безмолвно тлеет синевой.
Какой простор! А на потеху
И в назиданье – в облаках
Луна сияет, как прореха
На старомодных башмаках.
Умолкли трели певчей пташки.
Звенит ночная тишина.
Калина в розовой рубашке
Идёт по тропке Шукшина.

Знаю, смерть обходя просёлками,
Сгину я и не охну.
Сгинуть то сгину. А всё-таки:
Или убьют или сдохну?..
Рюкзак на плечах. О, Господи,
Благослови бродягу!
Попасть на Алтай, как в госпиталь –
Там и в могилу слягу.

Не довелось Анатолию умереть на родине, и могила его теперь здесь ☐ во Владивостоке.
Сначала его собирались захоронить в безымянной могиле, но нашлись-таки друзья,
собрали деньги и закопали на Морском кладбище.

А ведь на Алтае покойный ныне губернатор Евдокимов, покорённый Толиными стихами,
дал ему квартиру. Бочинин жил в ней, покуда не пришли счета, а затем убежал обратно
в Приморье ☐ к друзьям-художникам. Справедливости ради, надо отметить, что они и
были его самыми настоящими друзьями, и на презентацию посмертного сборника ПОЭТА
собрались в основном ХУДОЖНИКИ. Низкий поклон им за это! Ведь именно благодаря
им, мы имеем возможность читать стихи Анатолия Бочинина...

Чистая лирика

Вот так всегда, когда шагаю в гору,
Ко мне приходят радужные мысли.
Луна и солнце в утреннюю пору,
Как два ведра на синем коромысле.

Какой был грустный листопад,
Когда с ветрами в трении
Уже опавший летний сад
Дал знать о смене времени.
Пришлось и мне, как баш на баш,
В надежде на спасение
Сменить квартиру на шалаш
И жить вблизи Арсеньева.

Я слушал осень, как умел.
Клубился шорох лиственный.
А тот, кто сладко пил и ел,
Был так далёк от истины.

Я зла не делал никому
И никого не свёл в могилу.
Я склонен жить лишь по уму,
А мне навязывают силу.
О всемогущие мужья!
Я среди вас – мужик ершистый.
И у меня вместо ружья
В руках котёночек пушистый.
Что для котёнка батальон!
Что для котёнка танки, пушки!
Когда я сплю, то спит и он,
И не в ногах, а на подушке:
Мол, я хочу тебе помочь,
Мол, так, как ты, я не ишачу...
И в белых тапочках всю ночь
Мурлычет мне про жизнь кошачью.

На мой взгляд – прелестное стихотворение – такое доброе и в нём – сокровенная нежная душа поэта... Ну, нравятся мне котята!

Слово о поэте

К концу статьи чувствую себя изрядно вымотанной и опустошенной эмоционально, но хочу всё же дописать. Потом, скорее всего, внесу какие-то изменения и дополнения. Расскажу о личном впечатлении о Толе. Мы приехали к нему в больницу расположенную на Первой Речке, вечером. Была зима, снег. Темно. В кафе купили для него ужин.

Толя лежал в коридоре. Нога у него уже отсутствовала. Я и Фёдор представились, немного поговорили. Затем попросили разрешения за него помолиться, оставили Новый Завет (Толя сказал, что знаком с его содержанием). Я спросила, нужны ли ему тетради, ручка? Нет, у него это было.

Вот и всё.

Приехав во второй раз мы уже его не застали: Толю перевезли за город в отделение социальной реабилитации, где он должен был пребывать до помещения его в дом инвалидов... Остальное вы уже знаете.

Любите поэтов... пока они живы.

Светлана Капинос
March 11, 2010

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/4827>

© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com